

СИМВОЛ И ВЛАСТЬ В РЕСПУБЛИКЕ ТАНЗАНИЯ: ФУНКЦИЯ ЖЕЗЛА ОТЦА НАЦИИ В БОРЬБЕ ЗА ПРЕЗИДЕНТСКИЙ ПОСТ

А. Ю. Сергеева

Аннотация. Символ, будь то материальный предмет или модель поведения, является маркером властных отношений. Обозначая различия между группами властвующих и подвластных (а также различия внутри этих групп), символы являются инструментом выстраивания властной иерархии. Причем последнее верно как для официальной политической сферы, так и для неформальных отношений власти. Нередко символы отождествляются с самой властью, и в таком случае обладание символом подразумевает легитимность власти индивида или группы. Если говорить о символической составляющей политического процесса конкретного общества, то зачастую в ней отражены также элементы традиционной политической культуры. Это особенно свойственно Востоку, где в рамках заимствованных извне политических институтов властная иерархия обозначается посредством общих для данной культуры символов власти. Иными словами, заимствованные институты функционируют в соответствии с приоритетами традиционного политико-культурного сознания. В данной работе рассмотрено функционирование символа в современном политическом процессе Танзании. Исходным теоретическим положением для приводимого анализа явилась идея о неотрадиционализме восточных обществ, где властная элита в борьбе за легитимность апеллирует к «архаическим» пластам сознания управляемых, в т. ч. при помощи символов.

Ключевые слова: власть, символ, преемственность, легитимность власти, наследование власти, политическая культура, Танзания, Джулиус Ньерере.

Сергеева Анастасия Юрьевна, магистрант СПбГУ, образовательная программа: «Востоковедение. Африканистика», профиль: «Политика и Международные отношения стран Азии и Африки», Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9, sergeevaanastasia001@gmail.com.

SYMBOL AND POWER IN CONTEMPORARY TANZANIA: THE ROLE OF FATHER'S OF THE NATION STAFF IN PRESIDENTIAL RACE

A.Yu. Sergeeva

Abstract. Symbol, whether as a material object or in form of behavior, is a marker of power relations. Denoting the difference between the group of leaders and that of the led (as well as within them), symbols define power hierarchy. The latter is as true for the official political sphere as it is for the informal one. It is not infrequent that symbols are identified with power as it is; hence they provide legitimacy for the owner. As for the symbolic side of the political process in a specific society, it usually resembles the notions of traditional political culture. This is particularly true for Asian and African societies. While officially operating in the frames of borrowed western political institutions they resort to the traditional for their culture rhetoric of power. This paper examines the symbolic performance in current political process of Tanzania. The starting assumption in this analysis is the idea that contemporary non-western societies are prone to what is known as neo-traditionalism. In order to gain legitimacy ruling elites tend to appeal (whether consciously or not) to the inner/traditional concepts of power in minds of their subjects.

Keywords: power, symbol, power succession, legitimacy, political culture, Tanzania, Julius Nyerere.

Sergeeva Anastasia Yu., MA student, Saint-Petersburg State University, Asian and African studies, Politics and International Relations in Asian and African countries department, Saint-Petersburg State University, 7-9, Universitetskaya embankment, Saint-Petersburg, 199034, Russia, sergeevaanastasia001@gmail.com.

В сентябре 2015 г. в Объединенной Республике Танзания накануне пятых президентских и парламентских выборов, которые традиционно проходят в октябре, появилось довольно интересное сообщение в СМИ. В нем говорилось о ходе предвыборной кампании главного претендента на власть, выдвигенца от правящей партии, Джона Магуфули. Сообщалось, что во время визита в город Бутиама Магуфули подарили жезл. Это событие было отмечено и в принадлежащем будущему президенту твиттер-аккаунте: «Во время моего пребывания в Бутиаме мне была оказана большая честь получить от старейшин Бутиамы в лице вождя Ванзаги жезл» [Magufuli]. К записи была прикреплена фотография Магуфули с упомянутым предметом в руках.

Это, казалось бы, незначительное событие, ускользнувшее от иностранных обозревателей и не отмеченное нигде, кроме как в танзанийских СМИ, представляет особый интерес для антропологов. Возникает закономерный вопрос: что, кто, кому и как передал, и какое отношение все это имеет к предвыборной гонке? Изучение такого рода явлений с точки зрения антропологии позволяет понять и объяснить то, что ускользает от взгляда политолога, занимающегося, как правило, сугубо нормативной стороной того или иного политического действия. Иными словами, обращение к культуре (а событие, описанное выше, есть явление культуры, требующее соответствующей интерпретации), к той уникальной форме, которую принимают политические универсалии – в данном случае электоральный процесс, как форма политической конкуренции в современном государстве, – позволяет получить более объемную картину происходящего. Игнорирование же роли культурного фактора при анализе политической сферы, предостерегает политологов антрополог Пол Столлер, может привести к неполному, или даже ошибочному, представлению о действительности. Последнее, в свою очередь, чревато неверными прогнозами будущего развития событий, как это, например, произошло в случае с шокировавшими общественность результатами минувших президентских выборов в США [Stoller], когда вопреки всем прогнозам политологов победителем стал Д. Трамп.

Представленный текст есть попытка дать политико-антропологическую оценку ритуалу вручения «жезла» в процессе проведения президентских и парламентских выборов в Танзании. Мысли и идеи, предложенные в данной статье, являются результатом наблюдения (хотя и не включенного) за ходом предвыборной гонки 2015 г., общения с информантами, а также изучения работ, посвященных проблеме коммеморации и конструирования национальной памяти о первом президенте страны Джулиусе Ньерере в современной Танзании [Remembering Nyerere ... 2015].

При первой же попытке ответить на поставленный ранее и названный «закономерным» вопрос, мы сталкиваемся со сложной паутиной смыслов, сплетенной вокруг фигуры первого президента страны – Джулиуса Ньерере. Прежде всего, следует сказать несколько слов о предмете передачи. Практически во всех источниках, а также в городском фольклоре данный предмет носит имя лидера – «жезл Ньерере». Жезл, в самом деле, долгое время служил неотъемлемым атрибутом Ньерере, с которым он не раз появлялся на публике. Что касается личности

дарителя, который в сообщениях обозначен как вождь Ванзаги из племени вазанакки, то существенным здесь, по всей видимости, является упоминание не столько самого вождя (которое нередко отсутствует), сколько названия племени. Вазанакки – это этническая группа известная в Танзании тем, что именно с ней идентифицировал себя Ньерере. И, наконец, третий аспект, требующий пояснения, – город Бутиама, в котором проходило вручение жезла. Это место – родина Ньерере, там находятся дом и могила лидера. Получается, Джон Магуфули был награжден жезлом Ньерере представителями этнической группы, к которой принадлежал Ньерере, в местности, из которой вышел и в которой похоронен Ньерере.

Итак, дав краткий комментарий появившемуся в СМИ сообщению, оставим историю с жезлом на некоторое время в стороне и перейдем непосредственно к личности. Джулиус Камбараре Ньерере – первый президент Танганьики и Объединенной Республики Танзания (с 1964 г.), ставший для страны Учителем и Отцом Нации. Ньерере привел Танганьикку к независимости в 1961 г. В 1964 г. он стоял у истоков нового государства – Объединенной Республики Танганьики и Занзибара, позднее переименованного в Объединенную Республику Танзания. Джулиус Ньерере – автор эксперимента по строительству одного из вариантов африканского социализма «уджамаа»¹. Он же является основателем Революционной партии Танзании, ЧЧМ (суах. Chama cha Mapinduzi), которая, несмотря на введение многопартийной системы в 1993 г., уже на протяжении сорока лет (с 1977 г.) остается у власти. На посту президента Ньерере находился в течение двадцати четырех лет вплоть до 1985 г., пока по собственному желанию не ушел в отставку. В должности председателя ЧЧМ он оставался до 1990 г.

Политический курс Ньерере и результаты проводимых им социально-экономических преобразований получили неоднозначную оценку у нового поколения политических лидеров. Считается, что к середине 1980-х годов экономика Танзании оказалась в глубоком кризисе, что явилось признаком несостоятельности внутренней политики Ньерере. Объявленный в 1967 г. курс на строительство социализма к 1985 году постепенно угас, обернувшись для страны бедностью и тяжелыми последствиями неудачной программы принудительного переселения граждан в «социалистические деревни» («уджамаа»). Само слово «уджамаа» стало синонимом провалившейся экономической модели и жесткого авторитарного правления [Becker, 2013; Hunter, 2015].

Тем не менее, несмотря на болезненный крах социалистических устремлений, Ньерере не был предан забвению и имя его не стало всецело ассоциироваться с провалом и авторитаризмом. Напротив, даже после смерти он продолжает играть важную роль в политике современной Танзании. Однако фигура лидера, так часто воскрешаемая в политических дебатах, является фактически вырванной из реального исторического контекста. Будучи изначально «не богом, а простым человеком,

---

¹ «...aliko sea, hakuwa Mungu, aliko sea» (2:00–2:11) URL: <https://www.youtube.com/watch?v=4Yvp-8AKWgc> (дата обращения – 4 сентября 2017 г.).

склонным совершать ошибки»² [Kwayu, 2015], сегодня Ньерере превратился в мощную «политическую метафору» [Hunter, 2015], символ непогрешимого лидера, честной и нетерпимой к коррупции власти, стоящей на стороне бедных. Именно вокруг такого образа выстроена значительная часть современной политической риторики Танзании.

Подобное изображение Ньерере, по мнению большинства исследователей, началось в период после его отставки (1985–1999 гг.). Фактическое закрепление образа произошло уже после смерти первого президента в 1999 г. Так, если первоначально имела место неопределенность в вопросе об отношении к лидеру (к примеру, некоторое время после 1985 г. Ньерере перестали называть Учителем [Fouéré, 2015, p. 33]), то уже к началу нового тысячелетия положительный образ Ньерере стал доминирующим в официальном политическом дискурсе. Что же касается политических просчетов Ньерере, то если о его ошибках и говорят, как отмечает Фуэрэ, то в основном только оппозиция и по большому счету только в периферийных регионах страны [Fouéré, 2015, p. 34].

Таким образом, анализируя заочное участие Ньерере в современном политическом процессе Танзании, мы имеем дело не столько с исторической личностью, сколько со сконструированной коллективной памятью об этой личности [Fouéré, 2015; Hunter, 2015; Becker, 2015], в которой одни факты биографии сохранены, порой даже преувеличены, в то время как другие навсегда канули в Лету. Поэтому, каким бы ни было объективное наследие Ньерере, политических антропологов в первую очередь интересует вопрос, почему память о Ньерере – какой бы точной относительно исторических событий она ни была – до сих пор жива.

Во-первых, есть ряд очевидных факторов, влияющих на сохранение этой памяти. В частности, символическое присутствие Ньерере в физическом, или географическом, пространстве страны. Статуи первого президента, его изображения и высказывания изобилуют в общественных местах, а также на сакральной для власти территории. Так, например, одним из требований по оформлению государственных учреждений в Танзании является обязательное соседство изображений Ньерере и нынешнего лидера страны [Fouéré, 2015, p. 40]. Монументальная статуя Ньерере находится у здания парламента в Додоме. Кроме того, именем Ньерере названы улицы, площади, здания, находящиеся в ведении государства, аэропорт. Довольно интересная карикатура на эту тему приведена в работе Филипс [Philips, 2015, p. 97]. На иллюстрации, появившейся в одном из периодических изданий Танзании в 2004 г., изображена оживленная улица, на вывесках и указателях которой сплошь и рядом фигурирует имя Ньерере.

Во-вторых, сохранение памяти о Ньерере во многом обеспечено политикой правящей партии в сфере печати. После смерти лидера было налажено издательство

---

² Хантер в своей работе отмечает, что, начиная с 2005 г. каждые новые выборы сопровождались все более частым упоминанием имени первого президента [Hunter, 2015, с. 73].

коротких биографий Ньерере, в газетах появлялись хвалебные статьи, в которых речь шла более о положительных личностных качествах правителя, нежели чем о его президентстве, которое было отмечено, в том числе, и неудачами. Келли Эскью, проанализировав около ста оплакивающих смерть Ньерере музыкальных произведений, транслируемых по радио и телевидению в 1999 г. и позже, заключает, что упоминание политических реалий, тем или иным образом связанных с курсом «уджамаа», практически отсутствует [Askew, 2006]. В песнях в основном подчеркивается отеческая функция Ньерере, который «оставив народ в одиночестве, отправился готовить будущий дом для этого народа на небесах» [Askew, 2006, p. 33].

Кроме того, по крайней мере раз в пять лет, в период подготовки к президентским и парламентским выборам, голос Ньерере можно услышать по радио и телевидению³. Определенным образом подобранные высказывания лидера сообщают танзанийцам о том, какими качествами должен обладать будущий президент страны, каким должно быть правительство. Подобная вездесущность Ньерере порой приводила к казусным ситуациям, одна из которых описана в работе Филипс: в 2005 г. старейшины этнической группы масааи, придя на избирательные участки, заявили, что намерены отдать свой голос за Ньерере, восставшего из мертвых [Phillips, 2015]. Кроме того, автор приводит два случая внезапного появления воскресшего Ньерере на публике. Впервые это произошло в 2005 г. в самом начале предвыборной кампании Киквете, четвертого президента Танзании, оказавшегося первым из числа тех, кто пришел к власти уже после смерти Ньерере. Тогда, согласно приводимым источникам [Phillips, 2015 со ссылкой на Mnganya & Johnson, 2005], худощавый, седовласый старик с жезлом в руке возник на заседании ЧЧМ сразу после того, как была объявлена кандидатура Киквете на предстоящие президентские выборы. Информацию о втором «пришествии» Ньерере распространяли оппозиционные силы. Согласно их версии, Ньерере выступил перед избирателями с речью, в которой извинился за то, что в 1995 г. помог ЧЧМ одержать победу на выборах, а также призвал их не повторять его ошибок, то есть не голосовать за ЧЧМ [Phillips, 2015]. Возможно, этими слухами в сознании масс подкрепляется и начавшийся в 2006 г. процесс беатификации Ньерере.

Далее необходимо оговориться, что описанные явления не являются продуктом исключительно официально-партийным. Ошибочно было бы предполагать, что подобный образ Ньерере намеренно выстроен управляющими и насажден управляемым [Fouéré, 2015]. Как утверждает Хантер [Hunter, 2015], наблюдаемые явления есть во многом результат общих усилий, подкрепляемых наличием единого для тех и других языка политической морали. Своими корнями этот «общий язык морали»

---

³ Simu TV. Mama Maria Nyerere Atoa Wito Kwa Watanzania Chagua Magufuli: «...nawaombeni wanawake wote wa Tanzania na watanzania wote kwa jumla tumchague Dkt John Pombe Magufuli ili aulinde umoja wetu na amani yetu kama alivyofanya Mwalimu Nyerere Babu wa Taifa letu. Dkt Magufuli ni mwadhilifu, mchapa kazi, anakubali mapungufu yetu, na namna ya kuyakabili. Mimi nitampa kura yangu...» (0:12–0:50). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=yI7paFpljq0> (дата обращения – 6 сентября 2017 г.).

(«shared moral language») уходит в Арушскую декларацию (1967 г.). По мнению исследователя, современный политический дискурс и постоянная апелляция в нем к Ньерере как образцу морали и к его эпохе как времени лучших нравов есть не что иное, как воспроизведение нарратива, доминирующего в документе 1967 г. Именно посредством Арушской декларации Ньерере впервые отделил себя от правящей верхушки, фактически определив себя в качестве единственного истинного образчика морали, автора документа, чье содержание направлено на исправление нравов и строительство лучшего будущего [Hunter, 2015, p. 89].

Таким образом, закрепившееся в сознании масс представление о «непорочном» Ньерере стимулирует власть имущих к укреплению мифа и использованию его в своих целях. Иными словами, народ критикует власть, вспоминая о Ньерере и его эпохе, власть, в свою очередь, стремится к обретению легитимности путем демонстрации приверженности курсу легендарного правителя.

В этом смысле одним из самых распространенных заявлений в ходе предвыборных кампаний является обещание идти по стопам Отца Нации [Becker, 2013, p. 15], делать так, как завещал Ньерере, осуществить то, что Учитель не успел, и сохранить все, чего он добился. Подобные слова особенно часто звучат в период выборов или обсуждения болезненного для страны вопроса о реорганизации союза Танганьики и Занзибара [Kwayu, 2015, p. 127].

Как правило, представители власти стремятся обозначить свою приближенность к Ньерере или связь с ним. К примеру, в 2005 г. в преддверии президентских выборов в прессе активно обсуждался визит выдвиженца от ЧЧМ Джакайи Киквете в Бутиаму. Поездка была проведена еще до официального начала предвыборной кампании кандидата. Во время визита Киквете встретился с вдовой Ньерере Мамой Марией. Она подарила будущему президенту Библию – акт, интерпретированный в СМИ как своего рода помазание кандидата на власть и, возможно, гарант того, что Киквете, будучи мусульманином, в своем правлении будет придерживаться ньереровского принципа религиозной толерантности [Fouéré, 2015, p. 45; Philips, 2015].

Примечательна здесь роль вдовы Ньерере. Дело в том, что Киквете был не единственным, кто, стараясь продемонстрировать свою связь с Ньерере, прибегал к общению с его вдовой. В предвыборной кампании 2015 г. поддержкой Мамы Марии воспользовался и Джон Магуфули. В одном из роликов кандидата Мама Мария обращается «к женщинам и всем гражданам Танзании» с просьбой голосовать за Джона Магуфули: «Голосуйте за Джона Магуфули, чтобы он оберегал наше единство и спокойствие, как это делал Учитель Ньерере, Отец нашей нации. Доктор Магуфули – справедливый, трудолюбивый, с пониманием относящийся к нашим недостаткам человек... свой голос я отдаю за него».

Общение с вдовой Ньерере не ограничивается предвыборными кампаниями. Так, в 2014 г., когда, спустя полвека после образования Объединенной Республики Танзания, решался вопрос легальности и сохранения целостности данного

объединения, Киквете, который стоял на позициях сохранения союза Танганьики и Занзибара, то есть следовал заветам Отца Нации [Турьинская, 2014; Becker, 2013], пригласил на свое выступление Маму Марию, чтобы, по всей видимости, придать своим словам еще большую силу [Kwayu, 2015 со ссылкой на Chachage, 2010].

Вероятно, в том, как воспринимают Маму Марию, прослеживаются элементы свойственного традиционному обществу представления о женщине как продолжении мужчины [Бочаров, 2013]. Вдова Ньерере, будучи продолжением «властного “тела”, получала и соответствующие полномочия» – благословлять на власть преемников [Бочаров, 2006, с. 292]. Словом, заручиться поддержкой вдовы лидера – значит, получить санкцию на власть от самого Джулиуса Ньерере. По всей видимости, именно этот политико-культурный пласт сознания определяет поведение современных политиков Танзании.

В этом ракурсе интересно также наблюдение Квайю [Kwayu, 2015, р. 134]: в верхах идет своего рода борьба за приближенность к вдове Ньерере. Подтверждением тому, по мнению автора, служит негативная реакция одного из министров, члена ЧЧМ Джануари Макамбы на совместную фотографию лидеров оппозиции с Мамой Марией в Бутиаме. Свое отношение к «выходке» оппозиционеров Макамба выразил, по мнению Квайю, в своем твиттер-аккаунте, подписав упомянутую фотографию словом «subliminal» (англ. подсознательное). Таким образом, считает автор, Макамба лишней раз подчеркнул, что право ассоциировать себя с Ньерере посредством его вдовы принадлежит исключительно ЧЧМ.

Связь с Ньерере в устах политиков также обозначается через заявления о родстве, дружбе или близком знакомстве с лидером. Интересно, что и в данном случае наблюдается довольно сильная конкуренция за право называться приближенным Ньерере. Так, в 2005 г. главный советник президента Бенджамина Мкапы (1995–2005 гг.) Кингунге Нгомбале-Мвиру опроверг заявления претендента на президентский пост от оппозиционной «Партия за демократию и прогресс», ЧАДЕМА (суах. CHADEMA) Фримена Мбовы о его близкой дружбе с первым президентом [Fouéré, 2015, р. 46]. Нгомбале-Мвиру подчеркнул, что Мбове знал Ньерере столько же, сколько и другие бывшие члены ЧЧМ, подытожив, что о близкой дружбе речи быть не может. Другой показательный пример споров о родстве произошел в 2012 г., когда бывший президент страны Бенджамин Мкапа (1995–2005 гг.) обвинил члена партии ЧАДЕМА Винсента Ньерере в его необоснованных притязаниях на родственную связь с Ньерере с целью одержать победу на выборах. Он назвал это грубым оскорблением памяти первого президента. Однако уже через несколько дней Мкапа принес свои извинения Винсенту Ньерере, после того, как ему напомнили, что в 2000 г. он лично «выражал глубокие соболезнования Винсенту в связи со смертью его отца Кобоко Ньерере, брата Джулиуса Ньерере» [Philips, 2015, р. 118]. И все же Мкапа не упустил возможности подчеркнуть, что Винсент хоть и близкий родственник Ньерере, но все же не сын. Таким образом, оставив тщетные попытки отказать Винсенту Ньерере в получении «заряда властной благодати» [Бочаров, 2006, с. 291] посредством ношения имени первого президента, Мкапа прибегнул к другому

приему. Сделанное им замечание об отсутствии прямой родственной связи между Винсентом и Джулиусом Ньерере своей целью, вероятно, имеет восстановление и подтверждение устоявшейся властной иерархии, в которой права на наследование власти закреплены за ЧЧМ, позиционирующей себя как «детище» Ньерере.

В общем, в современной Танзании мы наблюдаем очевидную связь между преемственностью власти по отношению к Ньерере и ее легитимностью. И отвечая на поставленный вопрос («почему разговоры и память о Ньерере не утихают?»), можем предположить, что это происходит во многом потому, что, даже будучи инициированными управляющей верхушкой, они вполне вписываются в систему политических ценностей управляемых, где образцом достойной власти по-прежнему остается Ньерере.

Итак, рассмотрев ключевые формы упоминания Ньерере в современном политическом дискурсе Танзании, обратимся к символической составляющей процесса, т. е. вернемся к описанному в самом начале случаю с жезлом. Как станет ясно из дальнейшего повествования, символ, содержащий в себе множество коллективных коннотаций, и в наши дни обладает способностью влиять на поведение носителей культур.

При ближайшем рассмотрении вопроса о передаче «жезла Ньерере» выясняется, что Джон Магуфули отнюдь не единственный обладатель данного предмета. Чарльз Маконгоре Ньерере – один из сыновей Отца Нации, – также был наделен жезлом почти сразу после того, как объявил о своем намерении участвовать в президентской гонке 2015 г. В 2006 г., пишет Фазили [Fadhili, 2016, p. 150], в одном из новостных изданий Танзании появилась статья, в которой подчеркивается, что Джакайя Киквете, к тому моменту уже избранный президент Танзании, обладает тем же магическим жезлом, что и Ньерере, а значит, будет так же заботиться о стране, как и Отец Нации.

Даже при поверхностном взгляде на происходящее становится ясно, что перед нами очередной способ установления прямой или в некотором смысле даже магической связи с первым президентом. Однако на этот раз усилия сводятся к копированию облика Отца Нации. К слову сказать, копирование особенностей внешнего облика, речи и поведения популярных лидеров является весьма распространенным средством обретения легитимности. Схожую ситуацию обнаруживаем в соседней Кении: последний раз мухобойку Отца Нации Джомо Кениаты можно было видеть в руках проигравшего в борьбе за пост президента Раила Одингги (август 2017 г.). Держа мухобойку над своей головой, он разъезжал по улицам города, призывая своих сторонников отстоять вместе с ним его право на власть [Burke]. Мухобойка Кениаты, как жезл Ньерере, является неотъемлемым атрибутом образа лидера. Вероятно, этот предмет, наделенный в сознании масс характеристиками легендарного обладателя, из атрибута конкретного правителя превращается в символ власти в целом⁴. В случае же с Танзанией мы имеем дело с жезлом, превратившим-

---

⁴ Тем не менее нельзя утверждать, что превращение жезла в символ власти – заслуга Ньерере или его преемников. Подобное символическое значение приписывается жезлу в самых разных культурах.

ся в символ власти Ньерере, власти человека, который в политическом дискурсе страны является мерилем морали и легитимности.

Кроме того, в смысловой нагрузке данного символа сохранились элементы иррационального пласта сознания, нашедшие воплощение в городском фольклоре. Интересен ряд ходящих в народе легенд о «жезле Ньерере», анализ которых позволяет выделить основные характеристики символа в представлении масс.

Во-первых, жезл, как водится, обладал магической силой. С помощью этого предмета, гласит легенда, Ньерере, одолевая врагов, добился независимости. Считается, что никто, кроме обладателя, не мог воспользоваться жезлом из-за его неподъемности, – то было под силу только Ньерере⁵. В целом такое представление о жезле, который обычно возводят к пастушескому посоху, распространено во многих культурах. Достаточно вспомнить фараонов, Аарона, греческих богов, посохи духовных пастырей. Магические жезлы не чужды и Африке южнее Сахары; это символы власти и высокого социального статуса, которые встречаются у знахарей и колдунов. Интересно, что и сам Ньерере вместе с этим атрибутом в некоторых песнях называется пастухом Танзании, заботящимся о своей нации так же, как пастух заботится о стаде [Philips, 2015].

Вторая составляющая представления о жезле сводится к идее о загадочном возникновении предмета. В числе ответов на вопрос, откуда у Ньерере этот жезл, как правило, фигурируют колдуны и представители традиционной власти. Получается, что правом обладания и передачи пользуются люди с высоким социальным статусом. Другой аспект касается исчезновения жезла: согласно народной молве, он либо погребен вместе с Ньерере, либо кому-то передан [Kifimbo cha Nyerere] (вероятно, преемнику).

Все эти образцы мифологического мышления танзанийцев, которые, по утверждениям потомков Ньерере [Kulangwa], не имеют отношения к действительности, являют собой доказательство того, что сакрализация лидера есть важный элемент политического сознания масс. Можно предположить, что представители власти, в свою очередь, отвечают этому запросу на сакрализацию – жезл Ньерере в современном политическом дискурсе Танзании занял определенную нишу наравне с перечисленными ранее средствами борьбы за легитимность и голоса избирателей. Пользуясь терминологией В.В. Бочарова, данный предмет, ассоциируемый с Ньерере (властным «телом»), сам становится символом власти, «как бы неся в себе частицу магического “заряда”» первого обладателя. Словом, тот, у кого жезл, – преемник Ньерере, а следовательно, легитимный правитель.

---

⁵ Подробнее об этом можно прочитать на странице JamiiForum и Tanzania Today (JamiiForum. Kifimbo Cha Mwalimu Nyerere. URL: <https://www.jamiiforums.com/threads/kifimbo-cha-mwalimu-nyerere.182395> (дата обращения – 13 апреля 2017 г.). Tanzania Today. Kifimbo cha Mwalimu Nyerere kilikuwa na nguvu fulani. URL: <http://www.tanzaniatoday.co.tz/news/kifimbo-cha-mwalimu-nyerere-kilikuwa-na-nguvu-fulani> (дата обращения – 12 сентября 2017 г.)).

С другой стороны, ритуал получения жезла, как своего рода коронация, может быть нацелен не только на то, чтобы произвести впечатление на избирателей. Соглашаясь с Родни Бакером, можно предположить, что приобретение жезла есть также в некотором роде попытка самолегитимации («self-legitimation») [Barker, 2001]. Иными словами, овладевая символом⁶, претендент на власть себе же доказывает свои законные права на эту власть, одновременно символически подтверждая свое положение во властной иерархии.

Таким образом, мы проследили роль культурно-психологического фактора в политическом процессе. Сложно оценить непосредственное влияние передачи жезла на этот процесс в контексте современности. Безусловно, описанный ритуал передачи символа не является единственным определяющим для хода и результатов выборов. В формальной политической сфере современной Танзании мы не находим прямых указаний на то, что власть должна быть преемственной, что, к примеру, свойственно традиционному обществу, где каждый новый правитель хранил символы власти предшественника. Последнее на современном этапе проявляется по преимуществу в неформальном политическом дискурсе. Само наличие факта передачи символа позволяет сделать вывод о сохранности в политической сфере конкретного общества представлений, свойственных традиционной политической культуре: преемственность власти, сакрализация лидера, власть и родство. То есть в обществе, номинально идущем по универсальному пути демократии, мы наблюдаем элементы «архаического» пласта политико-культурного сознания.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Бочаров В.В. Символы власти или власть символов? // *Антропология власти*. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006. С. 274–305.

Бочаров В.В. Традиционализм и революционизм на Востоке в гендерном аспекте // *Российская гендерная история с «юга» на «запад»: прошлое определяет настоящее*. Нальчик, РАИЖИ и ИЭА РАН, Нальчик, 3–6 октября 2013 г. Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2013. С. 253–255.

Турьинская Х.М. Политическая система Танзании: от союза к федерации? // *Азия и Африка сегодня*. 2014. № 7. С. 60–63.

Askew K. Sung and Unsung: Musical Reflections on Tanzanian Postsocialism // *Journal of the International African Institute*. 2006. № 1. P. 15–43.

Barker R. *Legitimizing Identities: The Self-Presentations of Rulers and Subjects*. New York: Cambridge University Press, 2001.

Becker F. Remembering Nyerere: Political Rhetoric and Dissent in Contemporary Tanzania // *African Affairs*. 2013. № 112 (447). P. 238–261.

---

⁶ Если исходить из предположения, что акт награждения жезлом является инициативой награждаемого (т. е. награждающие в данном случае лишь исполняют указание).

- Burke Jason. Kenya opposition leader vows to 'remove' Kenyatta government. URL: <https://www.theguardian.com/world/2017/aug/13/kenya-opposition-leader-vows-to-remove-kenyatta-government> (дата обращения – 5 сентября 2017 г.).
- Chachage, Chambi. Mwalimu in Our Popular Imagination: the Relevance of Nyerere Today // *Africa's Liberation: the Legacy of Nyerere*. Cape Town: Pambazuka Press, 2010. P. 3–6.
- Fadhili, Safieli Mshana. *The Art of the Zaramo: Identity, Tradition and Social Change in Tanzania*. Dar es Salaam: Mkuki na Nyota Publishers, 2016. 194 p.
- Fouéré, Marie-Aude. Julius Nyerere, Ujamaa and Political Morality in Contemporary Tanzania // *Remembering Julius Nyerere in Tanzania*. Dar es Salaam: Mkuki na Nyota Publishers. 2015. P. 33–61.
- Hunter, Emma. Julius Nyerere, the Arusha Declaration, and the Deep Roots of a Contemporary Political Metaphor // *Remembering Julius Nyerere in Tanzania*. Dar es Salaam: Mkuki na Nyota Publishers. 2015. P. 73–94.
- Kifimbo cha Nyerere kapewa mbowe? JamiiForum*. URL: <https://www.jamiiforums.com/threads/kifimbo-cha-nyerere-kapewa-mbowe.195326> (дата обращения – 13 апреля 2017 г.).
- Kulangwa Julieth. *Nyerere alivyoishi na wajukuu*. URL: <http://mobile.mwananchi.co.tz/Habari/Nyerere-alivyoishi-na-wajukuu/1597580-2029222-format-xhtml-eexyxgz/index.html> (дата обращения – 13 апреля 2017 г.).
- Kwayu, Aikande. Different 'Uses of Nyerere' in the Constitutional Review Debates: A Touchstone For Legitimacy in Tanzania // *Remembering Julius Nyerere in Tanzania*. Dar es Salaam: Mkuki na Nyota Publishers. 2015. P. 127–140.
- Magufuli, J. *Nikiwa Butiama, nimepata heshima kubwa ya kupewa kifimbo na Chief Japhet Wanzagi kwa niaba ya Wazee wa Butiama*. URL: <https://twitter.com/magufulijp/status/642191015579897857> (дата обращения – 4 сентября 2017 г.).
- Phillips, Kristin D. Nyerere's Ghost: Political Filiation, Paternal Discipline, and the Construction of Legitimacy in Multiparty Tanzania // *Remembering Julius Nyerere in Tanzania*. Dar es Salaam: Mkuki na Nyota Publishers, 2015. P. 97–126.
- Remembering Julius Nyerere in Tanzania: History, Memory, Legacy*. Dar-es-Salaam: Mkuki na Nyota Publishers. 2015. 338 p.
- Stoller Paul. *Revisiting The Anthropology of Trump: Ethnography and the Power of Culture*. URL: http://www.huffingtonpost.com/paul-stoller/revisiting-the-anthropolo_b_12891694.html (дата обращения – 4 сентября 2017 г.).

REFERENCES

- Bocharov V.V. Simvol Vlasti ili Vlast' Simvolov? [Symbols of Power or Power of Symbols?], in: *Antropologia vlasti*. Saint-Petersburg: Saint-Petersburg State University. 2006. P. 274–305 (in Russian).

- Bocharov V.V. Tradicionalizm i revoljucionizm na Vostoke v gendernom aspekte [Traditionalism and revolutionary patterns in the Orient in gender perspective], in: *Rossijskaja gendernaja istorija s «juga» na «zapad»: proshloe opredeljaet nastojashhee*. Nal'chik: Kab.-Balk. University, 2013. P. 253–255 (in Russian).
- Tur'inskaja H.M. Politicheskaja sistema Tanzanii: ot sojuza k federacii? [Political system of Tanzania: from union to federation?], in: *Asia and Africa today*. 2014. № 7. P. 60–63 (in Russian).
- Askew K. Sung and Unsung: Musical Reflections on Tanzanian Postsocialism, in: *Journal of the International African Institute*. 2006. № 1. P. 15–43.
- Barker R. *Legitimizing Identities: The Self-Presentations of Rulers and Subjects*. New York: Cambridge University Press, 2001.
- Becker F. Remembering Nyerere: Political Rhetoric and Dissent in Contemporary Tanzania, in: *African Affairs*. 2013. № 112 (447). P. 238–261.
- Burke Jason. Kenya opposition leader vows to 'remove' Kenyatta government. URL: <https://www.theguardian.com/world/2017/aug/13/kenya-opposition-leader-vows-to-remove-kenyatta-government> (дата обращения – 5 сентября 2017 г.).
- Chachage, Chambi. Mwalimu in Our Popular Imagination: the Relevance of Nyerere Today, in: *Africa's Liberation: the Legacy of Nyerere*. Cape Town: Pambazuka Press, 2010. P. 3–6.
- Fadhili, Safieli Mshana. *The Art of the Zaramo: Identity, Tradition and Social Change in Tanzania*. Dar es Salaam: Mkuki na Nyota Publishers, 2016. 194 p.
- Fouéré, Marie-Aude. Julius Nyerere, Ujamaa and Political Morality in Contemporary Tanzania, in: *Remembering Julius Nyerere in Tanzania*. Dar es Salaam: Mkuki na Nyota Publishers, 2015. P. 33–61.
- Hunter, Emma. Julius Nyerere, the Arusha Declaration, and the Deep Roots of a Contemporary Political Metaphor, in: *Remembering Julius Nyerere in Tanzania*. Dar es Salaam: Mkuki na Nyota Publishers. 2015. P. 73–94.
- Kifimbo cha Nyerere kapewa mbowe? JamiiForum*. URL: <https://www.jamiiforums.com/threads/kifimbo-cha-nyerere-kapewa-mbowe.195326> (дата обращения – 13 апреля 2017 г.).
- Kulangwa Julieth. *Nyerere alivyoishi na wajukuu*. URL: <http://mobile.mwananchi.co.tz/Habari/Nyerere-alivyoishi-na-wajukuu/1597580-2029222-format-xhtml-eexygz/index.html> (дата обращения – 13 апреля 2017 г.).
- Kwayu, Aikande. Different 'Uses of Nyerere' in the Constitutional Review Debates: A Touchstone For Legitimacy in Tanzania, in: *Remembering Julius Nyerere in Tanzania*. Dar es Salaam: Mkuki na Nyota Publishers, 2015. P. 127–140.
- Magufuli, J. *Nikiwa Butiama, nimepata heshima kubwa ya kupewa kifimbo na Chief Japhet Wanzagi kwa niaba ya Wazee wa Butiama*. URL: <https://twitter.com/magufulijp/status/642191015579897857> (дата обращения – 4 сентября 2017 г.).
- Phillips, Kristin D. Nyerere's Ghost: Political Filiation, Paternal Discipline, and the Construction of Legitimacy in Multiparty Tanzania, in: *Remembering Julius Nyerere in Tanzania*. Dar es Salaam: Mkuki na Nyota Publishers, 2015. P. 97–126.

Remembering Julius Nyerere in Tanzania: History, Memory, Legacy. Dar-es-Salaam: Mkuki na Nyota Publishers, 2015. 338 p.

Stoller Paul. *Revisiting The Anthropology of Trump: Ethnography and the Power of Culture.*
URL: http://www.huffingtonpost.com/paul-stoller/revisiting-the-anthropolo_b_12891694.html (дата обращения – 4 сентября 2017 г.).